ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Рассказ

Валерий ТЕРЁХИН

Свинина по-губернаторски

"Да ничего ты в жизни не добилась, и смотреть на тебя жалко, горбатая карлица!..".

Крик новой начальницы гвоздил сердце. Прежнюю, Тоньку, неделю назад вышвырнули вон за то, что исчеркала законодательную инициативу сенатора-тэквондиста о запрете троллинга в социальных сетях, тарабарщину на языке невменозных юзеров.

Любой документ в правовом управлении они выстраивали на пару. Тонька подправляла федеральный закон на предмет юридической техники, а стилевые нюансы оставляла ей.

В аппарате сквозь пальцы смотрели на Тонькино курение и пьянки в угловых комнатах на отшибе. Но понадобилось пристроить свою, и кто-то сдал: стол уже завалили снедью, бутылки раскупорили, и тут ворвался Колчак, лубяными зрачками проледенил всех… и через сутки с Тонькой разорвали контракт.

"Промучилась с тобой в одной камере двадцать лет, а подсадили блатную".

Вчера утром Молодая еле поспела к 9.00. Не выспавшаяся, облепившая себя корректирующим бельём, напялила сверху что попало из бутика, Прихорашивалась перед чужим зеркалом и в ответ на её замечания по тексту приветственного адреса Верховной Раде выплеснула животную злобу: "Ты свой горб положи на стол, а хайло московское на пол! Я скоро респиратор надену! У тебя что, СПИД? Сифилис?.. Хоть бы зубы почистила…".

На счастье зашёл свежий мальчик из комитета по социальной политике. Требовалось проверить рекомендации "круглого стола", перед тем как выложить в Intranet. Молодая заулыбалась, стала нежным голосом объяснять, почему нужны именно эти правки ("слизала у меня, а потом замазала ластиком и выдала за свои"), мальчик рассусоливал, мол, на заседании комитета спешили, а им нужно уже завтра, расстилался, нагибался… Перехватив её томящийся взгляд, новая начальница взяла правленые рекомендации, сунула ей и отослала в приёмную отксерить, чтобы сохранить экземпляр с карандашными пометками после лингвистической экспертизы. Пришлось исполнять распоряжение, хотя классный чин у Молодой был на порядок ниже. Пока возилась с непослушным ксероксом, выслушивала сплетни, угостили кофе, а когда вернулась, обоих и след простыл. Молодая повела мальчика в машбюро или ещё куда.

"Небось, в холле в лифт зашла первой, виляла бедрами, завлекала улыбкой… Из-за тебя меня не назначили!".

Чувствуя, как запотевает истомлённое с ночи нутро, свела колени, чтобы унять нараставший зуд… В полночь у окна при свете Луны колола фото новой начальницы, распечатанное с сайта управления: кромсала иголками дебелое лицо. Тоньку с треском "ушли", должность полагалась ей, как заместителю начальника отдела лингвистического обеспечения законодательного процесса, но Колчаку спустили сверху эту бестолковую куклу, советника юстиции из Архангельска.

"А теперь сиди, слушай её излияния, как со вкусом она одета, как многого добилась в жизни в арбитражном суде и мигай-поддакивай, как когда-то Тоньке. Но Тонька никогда так меня не оскорбляла…".

– Хватит мне возражать, куча вонючего жира!..

"И это после того, когда я вытащила грандиозный ляп, а Молодая прозевала".

Вчера из секретариата вернули проект письма к главам законодательной и исполнительной власти регионов об обязательном проведении дней грузинской культуры и письменности. Молодая поставила визу, документ был исполнен, 180 писем размножили. Ошибку обнаружили в приёмной председателя: в сопроводительном тексте главы законодательных собраний республик неправильно титуловались. Молодая с перепугу отправила её к Колчаку, и пришлось выслушивать скотский крик, заново согласовывать текст с инстанциями, проставлять визы... Принёсшая новый текст на повторную экспертизу грузинка из управления международных связей, неграмотно составившая бумагу и брезгливо коверкавшая русские слова, нагло швырнула листок на стол и с презрением смотрела, как Молодая лебезит и подписывает.

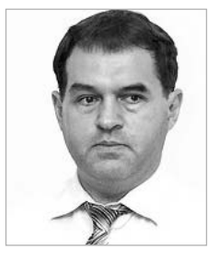
"Вот этих не выношу. Выкупают должности, конкурсы липовые для них проводят. Ещё тридцати нет, а уже советник госслужбы… А наших не берут. Только старухи остались, такие как я. Тонька-дура всё выступала: "Я еврейка!". А постоять за себя не умеет, вот и орали на неё со всех телефонов. Да и какая она еврейка, так, пацаки из Жмеринки, иврит не знает, на земле предков никогда не была, свинину употребляет. Ох, грех, съела и я вчера, не удержалась, и всё никак не выходит…".

В пятницу в столовую выбралась в половине третьего. Свинину по-французски, пропечённую в ломтиках ананаса, расхватали к полудню журналистки и пресс-служба. Свинину по-княжески, нашпигованную киви, расхватал секретариат председателя. Свинину по-польски, усыпанную цедрой и корицей, унесли в банкетный зал, где принимали делегацию из региона. Свинину по-таёжному с брусникой стянула из-под носа вездесущая Шушурина, вечно обедавшая одна. И пришлось взять свинину по-губернаторски, залитую расплавленным тильзитским сыром, ещё салат из кедровых орешков под рукколой в оливковом масле и фаршированные креветки в ореховом соусе. И вот уже сутки некошерное мясо отслаивалось по стенкам желудка и никак не желало перекачиваться в двенадцатиперстную кишку. Живот пучило, а зайти в туалет, вечно переполненный, она стеснялась. Удобства были колхозные, с дощатыми перегородками. Тонька всё тужилась, сгибала больную ногу, скрипела каблуком о выщербленный кафель и болтала о мужиках.

"Эта никогда не стеснялась... А вот Молодую я там ни разу не застала. Юркнет в коридор как мышка и сразу на лифт. Интересно, где она это делает? Может, в ХОЗУ? Там днём никого, но чужих не любят. Значит, своя".

Туалеты после капитального ремонта так и не отремонтировали. Ассигнования утекли на сверкающий холл, выложенный скользкой плиткой проход между зданиями и подрыв двухмаршевой лестницы для торжественных приёмов, которая вела на второй цокольной этаж и по которой когда-то спускался сам Ельцин. Так решили изолировать vip-сектор.

Перед глазами опять возник вчерашний мальчик... Какой нежной и ласковой она была бы с ним и как долго бы наслаждалась его стыдливой неопытностью, рельефной белизной и упругой неутомимостью, если бы он приехал к ней на дачу, где нет мамы! Но все эти радости доставались другим.



"Надоело всё!" – крикнула она вчера в управлении государственной службы и кадров, когда её опять вызвали в пять часов и сунули кипу внутренних распоряжений дээспэ, которые пришлось проверять до полуночи. Никто не проронил ни слова, а когда сгребла в охапку проклятые папки, пожелали спокойной ночи. А в 22.00 зазвенел хайком и, скрадывая зевоту ладошкой, с ненавистью подняла трубку. Звонил сам Колчак, коротко сообщил, что завтра будет внеочередное заседание палаты и велел обязательно быть. Ей вызвали разгонную машину и отвезли домой. Она успела слегка отоспаться, а утром тихонько позавтракала: мама так и не встала с постели и похрапывала в старческом сне... Но доверие льстило самолюбию. "Знают, что Молодая не справится, вот и вызвали сегодня в субботу, на внеочередное заседание".

Кишечник требовательно забурлил. В отхожем месте сейчас никого: суббота, народу немного. Но момент был неудобный: ей вот-вот должны были принести проект постановления.

– Уважаемые члены Совета Федерации, – загрохотал голос из динамика, – просим вас не покидать зал заседания, и вернуться в зал.

Одно и то же диктор повторил несколько раз.

Она ткнула кнопку на ручном пульте, и проснулся монитор.

На экране висела скучная заставка: ведомственный телеканал отключили. Заседание верхней палаты парламента было закрытым и не транслировалось. Обычно его показывали в цвете. Тогда сбегались девочки со всех комнат и обсуждали новый костюм председательши, фасон и цветовую гамму.

"Вертятся, гадают, фуксия или аквамарин, лица не повернут. Молодая мне выговаривает про дурное дыхание… А что делать, если паста не помогает?".

Зазвонил городской телефон. Звонила товарка из нового управления оргобеспечения с другого конца здания.

– Светка, проект тебе несут. Слышь, кворума-то нет… Колчак пошёл в курилку, гонит членарей в зал...

Вспомнилась вдруг заполошная беготня в обеих палатах парламента, когда началась кампания по борьбе с курением. Сколько раз они с Тонькой перелопачивали законопроекты, корпели на каждой буковкой, сколько было совещаний, скандалов, разбирательств. И наконец приняли. А летом ездила в Зубцов на дачу – на платформах, как курили, так и курят и делают это нарочно. И контролеры тоже курят. И хозяйка, хохлушка, дымит в приёмной как паровоз.

"Не нужны никому наши законы. Всё это враньё и обман президента".

Память, растиравшая душу в труху, безжалостно подсказывала вчерашний крик новой начальницы.

""Ничего не добилась в жизни… Смрадная туша… Висишь на мальчиках…". Это я-то? А сама, как прислали из социалки курьера, юбку скорректировала, колени слегка раздвинула… Думаешь, я не видела?..".

Впрочем, Тонька тоже западала на мальчиков. Когда её вытурили, в завалах за шкафом нашли тетрадку, а там любовное письмо в стихах "Зов чёрной птицы". Склонять слова в сложноподчиненном после двоеточия лучшая подруга так и не научилась, ей по-украински легче: "От вітре тэбе сховаю, коханій мой… займаєм помаранчівую шкіру до перемоги незаліжной рідной Украіны…".

"Знаю, кто тебя сдал. Когда из старого оргуправления всех повыкинули, к нам перевели Амкову. В Ярославле с ней наигрались, поили вермутом на стрелке, вели под руки в общагу на Которосли и перекладывали с койки на койку. Болтает в курилке, как в первую брачную ночь ничего не получилось, а потом про ремонт квартиры, как её жмут гастарбайтеры. После очередного таджика сместился дренаж, и слегла со своей урологией в ЦКБ. Бедный глупый муж!.. Тонька вкалывала за неё, а теперь топчется с палкой у подъезда и скоро встанет на костыли".

И стоило так надрываться ради должностей и классных чинов? Сколько они вдвоем в этих парламентах и верховных советах им, чужим, переправили законодательных инициатив, соблюдая все правила оформления документа, учитывая все тонкости юридической техники, вникая в детали построения текста. А что взамен?

– Вы позволите?…

Дверь предательски скрипнула. В кабинет заскочила Шушурина из управления информационных технологий и документооборота. Глядя прямо перед собой, молча протянула папку с проектом постановления, и сопроводительными справками.

"Ходишь на внеочередные, чтобы документы носить по коридорам и везде мужики. Плюс два отгула... На той неделе заявилась в секретный отдел с приказом на срочное исполнение, а там новый фужер, и сразу начала, зачин известный: "Здравствуйте, вы такой интересный мужчина, хочу с вами познакомиться!". И потащился котелок в столовую, а эта сосна рядом сияет, глядите все, я теперь не одна!.. Повезла недотёпу в "Десну" на профсоюзную лыжню, а там для ночёвки штамп в паспорте не спрашивают. Колчаку доложили, лейтенанту вставили, её из номера выгнали, утром в кадры вызвали, и в медпункт на осмотр... Ты присваиваешь электронный номер документу, тут если мужик, то начальник управления... Зато отдыхаешь в "Волжском утёсе", правовики туда путёвок не дождутся. А через два месяца тебе сорок, знаю, на страничке профсоюзного комитета дни рождения вывешены. И встретишь свое сорокалетие одна, без мужа и детей, как когда-то я".

Обе скороговоркой произносили дежурные словосочетания, смысл которых для обеих стёрся в муку.

"Ты знаешь, что я знаю. Как тебя выперли из музыкальной школы за то, что соблазнила ученика-подростка, как потом впихнулась в историко-архивный на факультет делопроизводства, спуталась с нужным деканом, а с него соскользнула да, чтобы лучше жить. А на внеочередные шастаешь, потому что меньше чужих глаз. Плутаешь в закоулках, шла в комнату, попала в другую: "Ах, простите, я ошиблась, а не знаете, как туда пройти?". Вот и познакомились, кто там из Питера, из Омска, хоть куда, но подальше из Москвы. Всё жениха ищешь, ходишь по кабинетам, себя предлагаешь, свой замызганный срам. И как можно так себя опускать?".

Шушурина отводила в сторону угасшие зелёные глаза, смотрела в окно, наконец, откланялась и, просверлив шпильками паркет, удалилась.

"Ну, и чего они спешат проголосовать так срочно, в субботу, на внеочередном? В комитете по обороне и безопасности все герои, пьют кофе-коньяк, а текст выправлять мне".

Осторожно раскрыла папку, просмотрела заключение правового управления, пролистала справки и экспертизы и взялась за чтение.

"Поступил на рассылку: в / час. мин… Проект… Вносит… [Вносят…] *Комитет по обороне и безопасности… по международным делам… Об использовании Вооружённых Сил… на территории…".*

Зазвонил мобильник, она знала, что это мама, и не брала трубку: опять об одном и том же. Вчера (да уж сегодня) вернулась к полуночи, а та заладила, что спать не даёт. И тогда она сорвалась, вспомнила ей свою сломанную юность, попрекнула, что устроила её в поликлинику на Сивцевом как члена семьи, и припугнула, что скоро сдаст в интернат: "Основной контингент – это я, а не ты!.. Все эти врачи – для меня!.. Я советник государственной службы!..".

А мама, точно ждала её весь день, развизжалась, да так, что сверху и снизу запросыпались: "Ты чего здесь раскомандовалась, в моей квартире?! Убирайся в свой горком и командуй!.. Ты поди получи эти сорок пять квадратов на троих!.. Это мы с отцом покойным на тебя надрывались!.. Ночей не спали!.. К врачам возили!.. Горб твой выправляли!.. Ателье подбирали!.. Закройщицам платили!.. Дачу выкупали!.. Отделали сами!.. Такие деньги потратили!.. Где твой муж?!. Где мои внуки?!. Да ты жизни не знаешь и живёшь на всём готовом!.. Родную мать в дом для престарелых???!!!... Меня ты отправишь, а вот кто тебя отправит!?. Я сейчас позвоню в твой верховный совет, и тебя саму отправят, проверят на это!!!". И мама судорожно крутила артрозной ладошкой у виска. А потом истерические рыдания с волчьими завываниями…

"Сейчас раскрою трубку, а она сразу: "Я гулять". А куда ей в её семьдесят семь?".

Она чувствовала нараставший гнёт сердца и просыпавшуюся боль в лобных пазухах. Мама родила её рано и не воспринимала всерьёз, относилась как к младшей сестре-подружке. Так и промучились они в одной квартире всю жизнь.

"Куда мне от неё деваться?..".

Её охватило томительное отчаяние. Она уже видеть не могла благодарность от председателя палаты, полученную недавно и повешенную на стене напротив, рядом со скелетом в натуральную величину в бикини (подарок от Колчака всему отделу на 8 марта). Коробочку с ведомственной медалью, врученной ей под аплодисменты сотрудников аппарата, она засунула в дальний ящик.

"Ну, зачем это всё!..".

Вот, дура была, забыв обо всём, принесла благодарность домой, похвалилась маме, а та захихикала как на рынке: "У тебя ещё с горкома комсомола целая стопка лежит, а внуков не родила! Наградили блядь грамотой!".

Всю ночь проворочалась, задремав лишь под утро, и сейчас с трудом успокаивала себя: "Маме уже недолго осталось, врачи не обманывают. Теперь юридическую технику оформления документов досконально знаю только я. На внеочередные вызывают меня, а Молодая завидует, мстит, ездит на мне. И ещё издевается, говорит, что родилась горбатой… и из-за этого не взяли замуж…".

Позавчера, себе на беду, разоткровенничалась с новой начальницей, забылась и проболтала ей историю, которую сотню раз рассказывала Тоньке, а та терпеливо слушала и кивала: о польском офицере-лётчике, с которым судьба свела через бюро международного молодёжного туризма "Спутник". Как познакомилась в пионерлагере, где оба были вожатыми, как съездила к нему в Познань по комсомольской путёвке, как Зденек повёз её в Варшаву на концерт "Червоных Гитар" с Сибирином Краевским (есть же на свете прекрасные мужчины!). И она надела лучшее платье, скроенное так хитро, что недостаток её был совсем незаметен.

Попутчицы в электричке ругали "пшекслентое бидло", а она молчала, молчала, и вдруг не вытерпела и закричала, что их спасли советские солдаты, а Зденек нахмурился, смолк и посмотрел на неё так, будто… будто хотел от неё улететь, ведь он был…

– Лётчик-космонавт? – смеясь ей в лицо, подсказала Молодая, явно издеваясь. – Ну, хватит врать. Ты на себя полюбуйся, уродина! Купи себе зеркало для кривых, станешь ровной… Разве можно с таким лицом появляться в офисе?

Она чуть не заревела, хотела крикнуть, что была когда-то тоже красивой и стройной, и не было никакого горба, но слова обидные выплёвывались невнятно, жалко и пришибленно. Тонька её так никогда не унижала…

Низ живота взмокрел, против её воли перед глазами опять вертелся мальчик из комитета по социальной политике. Взбудораженное воображение рисовало картины грешной любви, которой она предалась бы с ним. "Мальчики такие нежные, трепетные, волнующиеся. Их так приятно опекать, наставлять, наслаждаться их робкими прикосновениями. А мужчины – грязные животные, ими нужно руководить, чтоб работали".

На днях отмечала день рождения. Напилила дома салатов, притащила сумки с закусками, устроила застолье, рассадила девочек. Колчак прислал для расслабления шестёрку из управления оргобеспечения. Отставного моряка привезли с Нового Арбата на ведомственном автобусе, он травил анекдотцы, сыпал флотскими прибаутками, все хохотали над сальностями, а она витала в атмосфере моряцкого кубрика, в лёгком ситцевом платье, её одолевала сладкая ленивая истома и со всех сторон тянулись грубые требовательные ладони… Но рай оборвал звонок по хайкому: моряка вызвали в управление международных связей. "Обслуживает состоятельных дам, запрягли… В умээс такие змеи, своего не отдадут".

А Тонька как праздновала, стыд и позор... Затащила всех в кафешку придорожную к дому поближе, где в тесном душном зальчике двадцать человек едва уместились за тесным столом. Небрежные официанты из приезжих потчевали их дрянными жульенами, а Тонька расселась на двух стульях, довольная, что сэкономила. Сидит куркульчик, зенками скошенными хлопает. Жаркое поспело, а гостей уже след простыл, и давай лопать, уплетать за обе щёки... Еле ходит, поперёк себя толще, смотреть противно. Так и осталась провинциалкой. У них там, в Жмеринке, все одним рушником подтираются".

Взяв ручку с графитовым стержнем, она стала вновь вчитываться в строчки. Коллеги-оборонщики, окопавшиеся этажом выше, может, неплохо владели когда-то табельным оружием, но были не способны подготовить и составить проект постановления с соблюдением всех правил юридической техники.

Впрочем, сегодня ошибок почти не было.

"Рассмотрев обращение… и исходя из интересов безопасности жизни граждан… наших соотечественников… и личного состава воинского контингента… дислоцирующегося в соответствии с международным договором… на территории… постановляет…".

"Да пусть чужие отправляют свои войска куда хотят!".

Вспомнила лето, отпуск, проведенный на родине предков. С каким благоговением вдыхала она настоянный ароматами песчаных гребней прохладный воздух, ожидая на перроне в Ашдоде ночной поезд. А когда пустая электричка остановилась только ради неё и она, нажав кнопку, шагнула в чистый вагон, то поразилась этой культуре доверия и взаимного уважения к живым и к тем, кто когда-то здесь жил многие тысячи лет назад.

А потом была Храмовая гора. Толпы чужих, спускающихся после пятничной молитвы вниз, так что вся улица попряталась. А она одна осталась стоять – попробуй, тронь! Крайний араб задел плечом, протёрся вплотную, она не отступила. Но здесь, далеко-далеко от земли обетованной, в этой опостылевшей восьмиэтажной коробке её упрямство было бесполезно и не нужно.

"Здесь мне погребальную мацеву не поставят… Устала я от всего… Мальчика я хочу, мальчика!..".

Как ей нужны были сейчас нежные прикосновения, так хотелось, чтобы о ней позаботились, подкладывали тюфячок, когда смотрела телевизор, а потом прижимали бы крепко-крепко к холодной стене…

"Все ведутся на этих шлюх, а мне никакой награды. Я о них пекусь, рекомендую, а они забывают через секунду, едва получат желаемое. И никто не приедет в гости в Зубцов, не растопит камелёк, не разотрёт спинку, не приголубит…".

Графитовое острие, качаясь над листом важной бумаги, словно маятник, медленно клонилось вниз, к самому концу. Натренированное на восприятие текста подсознание, казалось, само, без её участия, выверяло лингвистическую безукоризненность юридических оборотов.

С годами поняла, зачем она здесь: чтоб работала с документами, как Тонька, как другие девочки, состарившиеся и отправленные на пенсию. А мальчиков вечно перехватывали чужие, те, кто помоложе лет на двадцать-тридцать…

Клиенты, наведывавшиеся со всех управлений, привыкли врать в лицо, что текст выправлен, но втайне рассчитывали, что документ за них подготовят в их отделе.

– Мне не нужны здесь ноги! – крикнула однажды Тонька фэсэошному племяшу, принесшему словопомол, который им вдвоём, всё бросив, нужно было целый день приводить в порядок (а проще писать заново). А хам дерзил: вот вы, мол, и должны писать, ваш отдел-то, а мне, мол, самому этот текст до фени. Потом нажаловался Колчаку, а тот, как водится, наорал с матом. И никому не было дела, что все эти зятья, невестки, внучки[ки] и племянницы[ки], затасканные со всех сторон в аппарат, не желали думать, а хотели только руководить, указывать и унижать тех, кто за них трудился.

Но сейчас в документе вызрела прочная правовая основа, его прокатили за сутки сквозь все требуемые согласно регламенту законодательные сепараторы, проверили лучшие правовики. Экспертизы тоже были составлены безукоризненно. Понадобились лишь несколько второстепенных штрихов, которые она внесла, чтобы грамотно оформить бумагу.

"Дать согласие на использование Вооруженных Сил… на территории… до нормализации общественно-политической обстановки… в этой стране… вступает в силу со дня его принятия…".

Дело шло к концу, она механически дочитывала последний абзац, как вдруг грозно зазвонил хайком. Сорвала трубку, но не успела поднести к ушам, как из мембраны залаяли человеческим голосом. "Опять Колчак…".

– Где у вас там застряло!?.

"Постановление", – машинально закончила она. Заваппаратом не утруждал себя изысканной стилистикой.

"Девочки, как услышат очередное "застряло", хохочут: "Маньяк". А он несчастный человек, в семействе прибавления нет, а развестись ни-ни, генеральское звание ждёт… По любви надо выходить, а не за прописку. Тонька вот зацепилась в Москве, захомутала дебила из журнала "Агитатор", учила с ним португальский… А теперь его родня поумирала, и все четыре квартиры переписаны на неё. А для кого?.. Ездит, платит, корчится, и своего сковородой колотит".

За документом явилась из секретариата советница Хапсалова, в красном платье, с осветлёнными волосами, распущенными до плеч.

"Ещё одна… Тоже чужая, три дыры пять шаров. Таких здесь много. Вырядилась как на панель. Да никому ты не нужна! Тебе сорок один год и впереди ещё несколько тысяч таких же дней, кабинет-туалет-столовая, а потом ведомственная медаль и выход на пенсию. И будешь в элитном пансионате рассказывать сказки таким же старухам, какая ты была красивая и как тебя за это любили…".

Опять пришлось проговаривать стандартные фразы, необходимые для отправки документа на размножение и передачи его в зал заседания сенаторам, приехавшим срочно со всей страны.

Пробежав ещё раз для надёжности весь текст, перевернула последний лист и к горстке виз, проставленных на обороте, прибавила свою подпись. Хапсалова мигом улетучилась.

"Торопится продефилировать, пока у членарей перерыв и топчутся на втором этаже у зала заседаний. Думает, если не у сенатора, то хоть у помощника вскочит…".

Вдруг замерла на стуле, вспомнив тревожный сон, приснившийся под утро.

В том самом обжитом и уютном кабинете, где проработала последние двадцать лет и всё ждала, сама не зная чего, над ней нависала новая начальница, пронизывала насквозь всепроникающими безжалостными голубыми глазами, и не оставляла надежд: "Ты не способна к фертильной функции, потому что у тебя дефектная кровь!" – "Нет, врёшь, – кричала она в ответ, – у нас сильная кровь, мы живём до ста лет! И только русский человек может валяться пьяным под забором!..".

Она очнулась. Напомнил о себе сфинктер толстой кишки. Переваренная за сутки свинина по-губернаторски устремилась в свой последний путь.

Порывисто встала и, не закрывая двери, осторожно выглянула в коридор. Никого. Тугими, стянутыми шажками заспешила в холл. У лифта тоже пусто. Вздрогнув от сладостного предвкушения, осторожно приотворила вечно хлопающую дверь… и заспешила к давно облюбованной кабинке у самой стены.

"Наконец-то я здесь останусь одна. Какое счастье!".